

Двое, стоящих на палубе в напряжённом противостоянии, были теми, кого Аврора точно не хотела бы видеть.

Особенно один из них: его серебряные волосы были заметны даже в ночной тьме.

Погода была сухой, но морской ветер приносил с собой прохладу и влагу океана. Слабое свечение судна рассеивалось в воздухе, окутывая серебряные волосы легким золотистым сиянием. Большая часть лица мужчины была скрыта в тени — только его высокая и статная фигура вырисовывалась резкими линиями, как мраморная статуя. Вращающийся прожектор на макушке мачты направлял яркий белый свет, который пронзал ночную тьму, скользя по его лицу, переходя между светом и тьмой, полностью обнажая его выражение.

Можно сказать, что если бы не этот момент, Аврора бы никогда не смогла представить, что когда-нибудь увидит на лице Кристиана Сент-Лантона такое выражение. Оно было мертвенно-серым, унылым, полным гнева и даже безмолвной, мертвой тишины.

Аврора мысленно представила это выражение на лице человека, с которым она столкнулась на корабле «Богиня Охоты», и вычеркнула из памяти ту злую, острую улыбку. Нельзя не признать, что помимо любопытства, она чувствовала некую «справедливость» и даже злорадство.

«Что случилось? Наследник семьи Сент-Лантон, столь высокомерный, тоже может выражать такие эмоции?»

Напротив него, в тишине, сидела женщина в инвалидном кресле.

Кресло, должно быть, было специально изготовлено: на серебряных подлокотниках было множество кнопок, что говорило о высокой степени технологичности и удобстве. Хотя приближалось лето, и на море было прохладно, температура все же была достаточно высокой. Однако женщина была одета в теплую одежду, а ноги её были укрыты толстым пледом. Светло-золотые волосы скрывали большую часть её лица, но кожа, проглядывающая сквозь пряди, казалась болезненно бледной и слабой. Было очевидно, что её здоровье оставляло желать лучшего.

Что же произошло между этими двумя?

Шум и веселье с палубы доносились сюда едва слышно, но этот укромный уголок казался забытым, погруженным в невидимое, но напряженное противостояние. Возможно, Сент-Лантон был настолько поглощен женщиной в кресле, что даже не заметил, как Аврора, случайно оказавшаяся здесь и заметившая их, быстро скрылась в тени у борта корабля, приняв нелепую позу, чтобы остаться незамеченной.

Напротив, женщина в кресле, поправляя волосы, развеваемые ветром, мельком взглянула в её сторону. Взгляд был едва заметным, без фокуса, словно случайным, но для Авроры он стал причиной настоящего трепета.

Когда женщина слегка повернула голову, Аврора тоже увидела её лицо.

Вместе с легкомысленными, на первый взгляд, светло-золотыми волосами, её глаза были цвета Эгейского моря. Чистые, спокойные, без тени суевы. Именно эти глаза смягчали её тонкие очертания лица, которые могли бы казаться слишком утонченными и соблазнительными.

Она была холодной, почти безразличной, и Аврора почувствовала, что этот холод не был её

естественной чертой, а скорее напоминал пепел, оставшийся после того, как огонь сгорел дотла.

В этой женщине не было ни капли жизни. Эта мертвая тишина легко проникала в сердце зрителя, и на мгновение Аврора даже подумала, что если бы та вдруг решила броситься за борт и покончить с собой, она бы не удивилась. Но в следующее мгновение она чуть не воскликнула:

«Черт возьми!»

Чтобы рассмотреть её лучше, Аврора невольно высунулась из укрытия, и её взгляд встретился с глазами женщины. Всего на долю секунды, но этого было достаточно, чтобы она увидела в её глазах мимолетную, но многозначительную улыбку.

Аврора, доведшая навык притворства до совершенства, сразу поняла:

«Черт возьми, эта женщина играет роль!»

И она смогла обмануть самого Сент-Лантона?

Аврора быстро отшатнулась назад, незаметно подтянув подол платья, и начала осторожно отходить обратно. Что бы эти двое ни обсуждали, она больше не хотела слушать, и даже легкое любопытство, зародившееся в её сердце, было мгновенно подавлено.

Смешавшись с толпой на палубе, Аврора почувствовала себя в безопасности, но страх всё ещё не покидал её. Остыв и вспомнив произошедшее, она почувствовала, как её веки задрожали. Она вдруг поняла, почему та женщина вызвала у неё такой трепет... она напоминала её саму.

Женщина в кресле была на неё похожа.

Не внешне и не по характеру, но по тому впечатлению, которое она производила. Как будто пламя, достигнув своего пика, превратилось в застывшую магму, а лед, стоящий в глубинах океана, даже при столкновении не терял своей силы и гордости. Если бы они стояли рядом, их легко можно было бы отличить друг от друга, так как между ними не было ничего общего. Но если бы они были далеко, то впечатление от этих двух совершенно разных лиц было бы почти одинаковым.

Аврора невольно вздрогнула. Она не могла объяснить, почему вдруг почувствовала тревогу.

Когда ночь опустилась настолько, что весь корабль погрузился в сон, женщина, закончившая очередной раунд противостояния с Сент-Лантоном, сидела на краю кровати, опираясь на изголовье для поддержки, и уже набрала номер на телефоне.

Её ноги были полностью парализованы, и все врачи говорили, что они уже не восстановятся, и даже клеточная регенерация не даст шанса снова встать на ноги. Однако внутри неё не было особого беспокойства. Тот человек, которому она служила, владел лучшими исследовательскими институтами мира, и пока она жива, она знала, что они решат все её проблемы. Как и тогда, когда она чудом выжила и открыла глаза на больничной кровати, осознав, что жива, она знала, что больше не будет жить в страхе.

Она доверяла обещаниям того человека даже больше, чем своей собственной жизни.

— Господин, я встретила вашу девочку.

Через некоторое время она улыбнулась:

— Увидев её, я сразу узнала её... Она прекрасна. Такая наивная и гордая, её чистота и красота были настолько яркими, что даже слезы не могли её омрачить.

Ревность, возможно, была, но не явная. Быть защищенной этим господином, окруженной такой заботой и вниманием, даже она, принимая эту миссию и рискуя жизнью, делала всё это ради неё, поэтому некоторая горечь была неизбежна. Но именно потому, что она ясно понимала источник всего этого, даже эта горечь казалась бессильной.

— Нет, я не чувствую печали. Печаль слишком дорогая роскошь, я предпочту превратить своё сердце в камень, господин.

Она хорошо понимала силу искренности. Чтобы заставить другого поверить в твою искренность, нужно быть искренним самому. Женщины — прирожденные актрисы, но она смогла выполнить задание, данное её покровителем, не благодаря притворству и фальши. Она заставила себя полюбить Сент-Лантона. Кристиана Джастина Сент-Лантона.

Поскольку эта любовь была настоящей и сильной, она смогла повлиять на этого мужчину легче, чем представляла. Но она всегда помнила, ради чего пришла сюда, и никогда не надеялась получить то, что ей не принадлежало. С того момента, как она появилась перед этим мужчиной, она знала, что не останется здесь, и пока она жива, тот господин обеспечит её защиту, а его награда позволит ей жить без забот до конца дней. Поэтому она никогда не мечтала о настоящей любви Сент-Лантона.

Она отдавала всё, что могла, оставаясь спокойной и расчетливой в своей привязанности, и ясно понимала, что он не полюбит её. С такой ясностью ума, она могла легко ориентироваться в ситуации и действовать по обстоятельствам.

И в тот момент, когда она увидела девушку из семьи Кейн, она поняла, что её миссия подошла к концу, и она наконец сможет выйти из этой осторожно контролируемой игры.

В предыдущей главе было девять комментариев... Один из них с одними вопросительными знаками не считается, так как это был пустой комментарий, оставленный случайно. Я думал, что точно будет больше десяти, и тогда я бы опубликовал двойную главу, а затем мог бы выпустить главу о Теневом лагере. Поэтому я так и сказал в прошлой главе, так что это не моя вина.

Спасибо за красный конверт, дружище lin~ Чмок!

<http://bllate.org/book/17714/1655241>